[*****]

Евгения Р. плывёт в открытом теле
С кругом света на руке,
Бог и ангелы не в теме,
А где-то вдалеке.
Над ней луна в доме, но
Не Юпитера или Сатурна,
А в своём собственном жёлтом доме.
Помнишь, тебе пять лет,
В парке мужики режутся в домино,
Рядом пылает урна?
Неужели ничего не было кроме
Этих случайных картинок, запахов, сполохов, знаков?
Евгения Р. качается,
И ничего не кончается.
На изнанке века мир, как выяснилось, одинаков.

[*****]

Наливалась Земля моя водами до седин,
Напивалась временем до краёв.
Между веком двадцатым и тем, что пришёл за ним,
Был рубеж, как нитка, вытащен и суров.
Запах жвачек со вкладышами и мороженного «Пингвин» —
Что ещё вспоминаешь, пока ты жив?
Проносилась Земля по кругу, и падал к ногам моим
Белый налив.

[*****]

Где бывает сухо, обёрточная бумага,
Обертоны света, трава сквозь землю
Проваливается наружу,
Нога замирает в преддверии шага,
Колено замирает, стопа замирает, но реже.

Грязевой поток, ротовое русло,
Рядовое, нет, не проклятье, но где-то рядом
Асфальт не выдерживает нагрузки,
Голая, раскисшаяся земля не выдерживает нагрузки,
Побывала во многих странах;

Выросла, побывала во многих странах,
Покрутилась на белом свете,
Ничего не видела, всё-то видела, везде-то она бывала,
Наступил сезон, день прибавляет ночь, удлиняет тени,
Света как не бывало.

[*****]

И те, кого создал
Мужчиной и женщиной,
И те, кого создал
Суховатой бумагой
Влажной местами
Ладонью,
Равно тащили ношу свою оленью,
Кожу свою дюгонью.
Всё пахло сначала лесом и плотью,
А после — углём и нефтью.

Будут рыбой полны берега до неба,
Будет пеной полна вода.
Раскалённый язык коснётся сначала нерва,
И только после — дупла, гнезда.

Отзвонится ландыш в руках старухи,
Вот такой вот субретки, цветочницы новых сред.
Всё это держится только на страхе
И ходит по струнке
Смерть.

[*****]

В марте снег пошёл, как три месяца до не падал,
Не лавиной, нет, но ворохом, листопадом,
Белой травой, нескошенными полями,
Скошенными крышами, перекошенными дворами.
Я живу в полупригороде, на полуприроде,
Здесь вода из-под крана, завод на заводе,
И такие лица, как будто люди уже на взводе,
Как будто люди.
Я спускаюсь в метро по дороге к дому,
У него полторы неживые ветки,
Ножевые корни, задумчивые соседки,
Телефоны не принимают.
Смерть идёт по детскому проездному
И её за пэтэушницу принимают.

[*****]

Здесь след трамвайного пути,
Автобусного, городского,
Неповоротливый,
Как найденное слово,
Прилипчивый, как жвачка и ландрин,
И набери слюны, и задохнись над ним,
И расколись на тысячу кусков, а
Всё равно подавишься одним.

[*****]

Здесь небо синее, но серая река.
Её насквозь переезжая,
Я в плотном облаке автобусном
Жива пока и не жива слегка,
В своих вещах едва живая.
Мой город сер, и да не будет бел,
Надеюсь, так дотянем и до мая.
Я ненавижу снег, хотя зима и
Он мог бы стать на перекрёстке тел.

[*****]

На табло супермаркета минус один,
Это медленно входит зима.
Свет уходит, и вот уже минус один
День из жизни. Стоят золотые дома.
У дверей супермаркета нежный бульдог.
Помнишь, клеили окна из жёлтой фольги?
А охранник колотит сапог о сапог,
Точно в мире одни сапоги.

[*****]

Зимнее время отменено —
Светлый какой февраль,
Полупрозрачный, как нерв, как ветка,
Длинный, как магистраль.
Синематограф — не то, что кино,
Жалость не то, что жаль.
В долгом пространстве короткого дня,
В свете особых примет
Каждая линия станет видна
Так же, как сам этот свет.
На обороте календаря,
На отрывном сквозняке
Ищут деревья лесного царя
В городе на реке.

[*****]

Серебро серебра падало в снег,
Золото золота торчало на голубом глазу,
Я скажу тебе: «Нет»,
А тебе скажу
Газовую косынку, нефтяной браслет.

Этот тоже видит с вершины пор:
Я не так хотела ни там, ни здесь,
Но приходит время,
И входит весть,
И выходит доблесть
Из горючих лёгких на белый стол.

Третье время переводит часы на моём веку,
Или нет, четвёртое, ну, это как считать.
Он отвечает: «Сможешь»,
И я спрашиваю: «Смогу?»,
Чтобы не отвечать.

[*****]

Двое видят одно
Сквозь закрытые веки.
Глазное дно
Бежит по белым высохшим рекам.
Сердце, сердце, ты куда стучишь?
Кто откроет при таком морозе…
И такая тишь
Проплывает в анабиозе
Пятиэтажных крыш.
В школе выходили во двор при любой погоде,
Слушали зимний двор, как его неслышно,
Наблюдали свои заметки.
Это было бы и сейчас нелишним,
Как на чётком ценнике, на штрих-коде:
Ветки, воздух и снова ветки.

[*****]

Когда отёчное отечество
Потягивает-
Ся по утрам
И дышит гулко и протяжно,
Как стыд. И срам
Какой-то откровенный —
Меж голых рам
Пейзаж забвенный —
Я становлюсь тебе заменой,
Последним яблоком пустеющим садам.

Я становлюсь одним коленом,
Шнурок бессмысленно шнурую.
Мы тоже жили на границе,
Не раздавались в ширину, и
Сигнал над нами раздавался,
Пока совсем не раз, не два.

Холодный воздух полон соли —
Холодный, гулкой, предосенней,
Но это всё не столь и
Важно.
Рука скользит в карман отважно
И ищет смятые права.

[*****]

Марии Галиной и Аркадию Штыпелю

Где советский дёргает нерв
Жидовская нотка,
Под окном старается изо всех москвич или волга,
Это будет медленно, но недолго,
За которой пазухой бьётся ничья находка.

Где сиреневое, жасминовое наречье
Дышит как не в себя и молчит ни себе, ни людям,
Под картечью света, под июньской небесной течью,
Посадили, а убирать как будем,
Когда умирать-то нечем?

Где пойдут с бидончиком очереди за квасом,
Там мы жили и магазин стекляшка,
Прислоняясь к стене всем сосновым мясом
Свежим срезом, кровавым тёсом,
Это только сначала тяжко.

Чем стучать в окно,
Если нет ни окна, ни подъездной двери,
Если сам подъезд давно загажен птицами и зверями,
Это дышит дерево, и всему на свете
Тень его доверяет.

[*****]

Там тень от воздуха дрожит
И от его тепла
Себя утягивает в тень,
Как будто там текла.
А здесь другая тень лежит,
Была и не была,
Я без неё хочу прожить,
Но вот она легла.
Здесь свет сгущённый от теней
И не моя страна,
Но прежде бывшая моей,
Другому отдана.
Здесь не моя страна, не там,
И воздух прежних дней
Весь разложился по местам,
Став памятью о ней.

история ::: туризм

[*****]

И когда вода кашляла из трубы,
И потом, когда воздух плыл, как чужой обряд,
Когда цветы по воздуху, как отряд
Проплывает под звук трубы,
И полощет галстуки и тела
Краснота губы,
Закушенной добела,
И ещё потом, когда тень не выдержала и легла.
Как твои дела? — говорю.
Как чудны дела
Твои, говорю.
Нет, ничего такого не говорю.
Над землёй оседает пепел, и колокола
Бьют зарю.
И уже потом, когда ночь иссякла, и день иссяк
И родник потёк в сторону родника,
На соседних улицах, точно стяг,
Полыхала родина слов незнакомого языка.
И один трубач, на две трети заполненный самим собой,
Отрубил отбой.

[*****]

И она говорит: «Больше уже не изменится ничего.
Так и будет вязнуть в густой эмали,
Точно ветки финифтью неба себя сломали
И уже не вырастут. Вещество
Эфира сгустилось, наверно, зря.
Разве выловишь слово во временном концентрате?».
И втыкается в зиму первое января
И торчит, как скрепка в хребте тетради.

[*****]

Бойся, бойся, наблюдатель, вынесенный за скобки,
Безответный фиксатор окраски, обмолвки.
Бейся, бейся, бельё на чужой верёвке
Во дворе вчерашнем.
Пальцы по локоть в клубнике, по плечо в черешне.
Это ли счастье? Нет, только вчерне, пунктиром.
Вейся, вейся, флаг, так сказать, на башне,
Жёсткий метод, рабочая кость, чёрная крепостная сошка.
Посмотри, очевидец, слева стоит над миром
Вечный огонь, справа грядёт невечный.
Мы ещё, так сказать, погодим немножко,
А не так сказать было бы человечней.

[*****]

Время было мёдом, зависало само в себе,
Точно капля с ложки, свисающая сорваться,
Электрической ниткой тянется в световом столбе.
Так в себя имена забирают святцы,
Чтобы стать гаданьем, сухим листом,
Календарной датой на должном сроке.
Так апрельский холод не говорит о том,
Но молчит и проглатывает намёки.

[*****]

Потому что завтра уже июнь,
И деревья, взвившие парики,
И нестойкий мусор стаями по реке,
И какой-то первый теперь тополиный прах —
Жестяное время, сплошной трамвай,
Только свет и держится, недвижим,
Только стрелочник виноват, но прав —
Вон как гонит — вставай, вставай,
А куда мы встанем, когда лежим?

[*****]

Он старательно избегает странной
Сентиментальности вещей, их мягкой или, напротив, колючей плоти.
Как-то отстраненно удивляется, что там сделали со страной,
И где вы такую берёте.
Он болен, болен, но никто, повторяюсь, никто
Не замечает в этих вялых, замедленных жестах недуга,
Видимо, думают, что так и надо или что
Это просто отсутствие духа.

[*****]

Когда меня будут искать,
Скажи, что её больше нет,
Хотя я, разумеется, есть,
Но голос мой — плоть,
А тело её — деревянная ветвь,
И не осталось мест.
Пропахший мастикой дощатый пол
И школа в девять рядов,
Кто будет готов, тот давно готов,
А кто-то из нас ушёл.
Ищите детку на сгибе лет,
На склоне локтя, и там,
Где ткань надрывает кость.
Мы долго дышали не в такт шагам
И жили совсем насквозь.
Иголка и нитка, петля и крючок,
И маленьких пальцев проворная тень.
Но кто повернётся надёжным ключом
На жёлтом гайтанчике? Кто потечёт
И выплюнет: «На вот, надень»?

[*****]

В детстве дети носили на шее не крест, а ключи.
Пропотевшая ткань гайтана тёрлась о ткань ключиц.
Приходил со школы, отпирал замок,
Заходил в пустую квартиру сам себе господин и бог.

Тело ещё не знало ни совести, ни стыда,
Или нет, напротив, стыдливо пряталось в скорлупу.
В золотистых лужах хватало льда,
Чтобы взять с собой его на испуг.

[*****]

Будешь ли счастлива ты, когда
Дождь пойдёт третий, четвёртый день?
Или не дождь, а время и поезда
Не пойдут, а останутся? Но задень
Не дверной колокольчик, а подвесной
Ветер, поющий по моде прошедших дней —
Так и будешь чувствовать не спиной,
А тем, кто стоит за ней.
Будешь ли ты счастливее здесь, сейчас,
Когда новость уже не нова, но старость не так стара?
Ночь проходит, но день оставляет ей часть
До следующего утра.

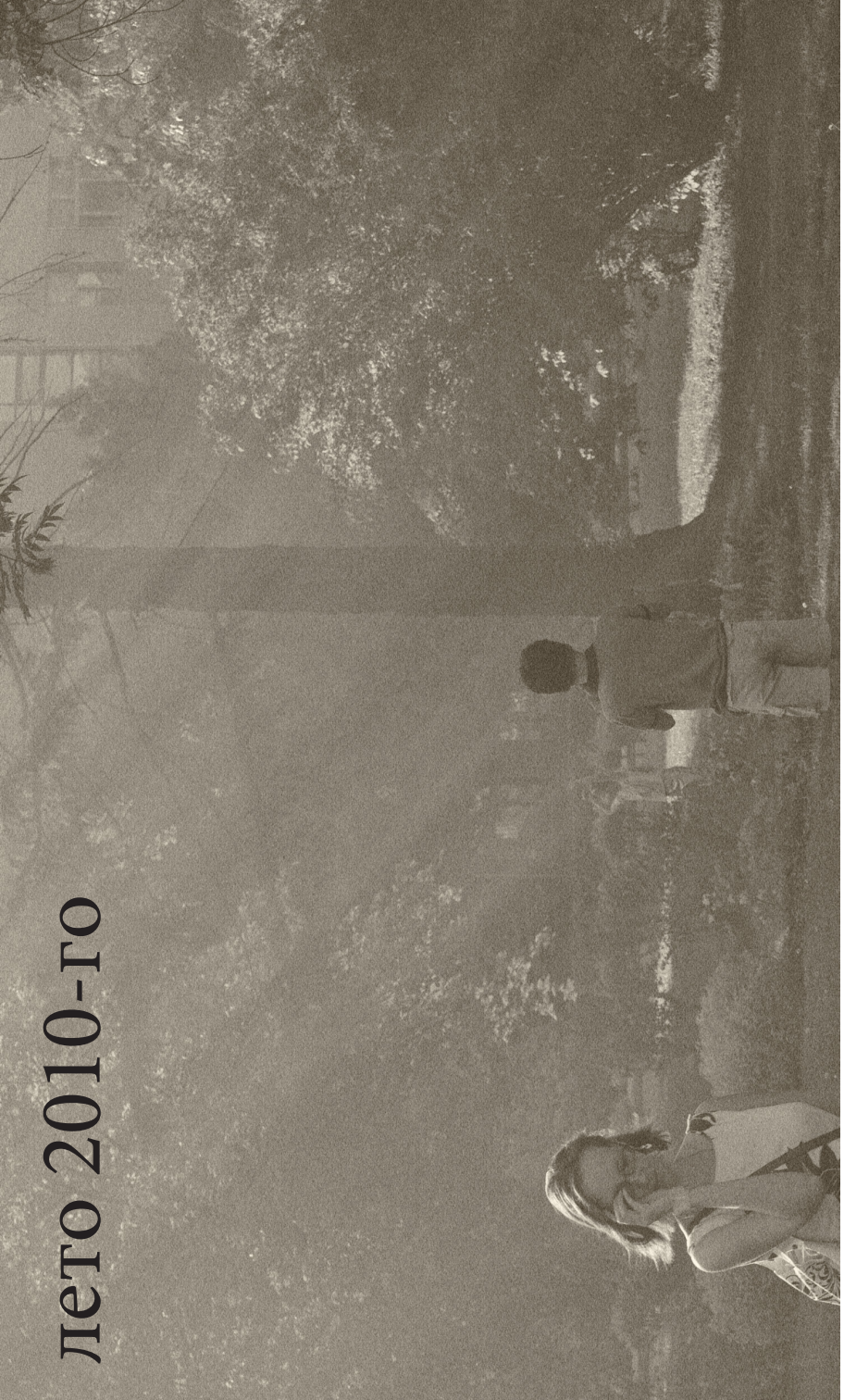
[*****]

Оттого, что ты будешь искать войну,
Оттого, что ты будешь искать траву,
День твой вытянется в струну
И останется наплаву.
Оттого, что пока ни травы, ни войны,
Затянувшийся март весь в городе, как в дыму,
А потом выпускает затяжку, и всё равно
Весь в дыму пелены.
Всё равно стуку меж двух полос
Дыхания, которое сорвалось,
И так, невыкашлянное, звенит,
Никому не нужное, брошенное, как зенит,
Как часы слава, часы заря,
Как электроника, как расколовшийся электрон —
Всё это было зря и не зря
Зеницей твоих времён.
А горло зрит сырость и первую теплоту,
Зреет сквозь них, как прозрачный плод;
И, наверное, тот, кто тебя зовёт,
Будет долго потом ощущать во рту
Не какое-то имя, но влажный его послед —
Посвист, долгие гласные, сглаженные углы,
Ледериновый переплёт.

[*****]

Куда ей деваться, выгадывает стена,
Когда время пойдёт складками и разломами,
Понесёт на себе прочие времена
Глыбами гладкими и огромными.

Луна-парк отсюда максимум в двадцати годах
Светится слабым подобьем луны.
Настоящее время не то чтобы ад,
Но прах
Дивной голубизны.



[*****]

Оттого, что вакация оказалась вечной
И вода, испаряясь, стоит столбом,
Солнце оказывается не самой удачной вещью
В ворохе белом и голубом.
Снятое молоко сентября и марта
В данном случае равноудалено.
Это та же школа, не та же парта,
Третий ряд, развешанное окно.
И покуда плоть моя учит плавать
Воду меж крепко стоящих ног,
Глупо спрашивать, по какому праву
И государству звонит звонок.
Как стоит вода под палящим солнцем?
Медленно выгорает озёрный край,
А она такая стоит и смеётся,
Вся абсолютно белая, как экран.

[*****]

И город обращается в курорт,
Сухой, обманчивый, безводный,
Но немудрящая мелодия плывёт
Над улицей брусчатой и бесплодной.
Там
Кришна-
И-
Ты,
Тут танцуют танго
Распахнутые летние кафе,
До времени открытые времянки,
И юбка поднимается с колен
Немного оголтелой горожанки.

[*****]

За городами щетинистые поля,
Расшатанные сады.
В городе тоже асфальтовые поля.
Их урожай июля,
Летнего февраля —
Лиственная позёмка,
Обёрточные плоды.
Еже-
Дневное небо даёт кругаля
Вместо воды.

[*****]

В дымном облаке пожара
Не столь отдалённого огня
Какая-то жизнь бежала
Одновременно впереди и позади меня.
И так прекрасна была земля
В дымной, её снедающей лихорадке,
Что верилось, у неё отныне свои порядки,
Своё право руля.
Люди обвиняли правительство в чересчур хорошей погоде,
И не исключено, что в этом была какая-то правота.
Птица-пепел, самовозродившаяся в этом
незапланированном перелёте,
Садилась на провода.
В воздухе за дымом невидимом и красивом
Вся природа, живая, как расплавленная пластмасса,
Набиралась петитом или курсивом,
Что огонь подбирается к шестнадцатому арзамасу.
Но и это останется только памятью,
Будучи выжжено знаками вроде бы крепкими, как стальные,
Уже послезавтра окажется четырьмя-пятью
Днями, казалось бы, более яркими, а на деле просто
более дымными, чем остальные.

[*****]

Вот земля лежит в ореоле славы.
Бесконечное лето, она устала,
У неё до осени золотые травы,
Золотое сердце, она простила.
И копчёный запах её приправы
Поднимается выше её престола
Над красотами и крестами.

Мы уже не рады, уже устали,
Но ещё пожалеем, не раз ещё возжелаем
Дымный полог ее подола,
Но такого лета уже не станет
Никогда или очень долго.

[*****]

И вот она уходит, волга лета.
Чорная волга, как говорили в советские времена.
Она есть траурная лента
И бахрома.

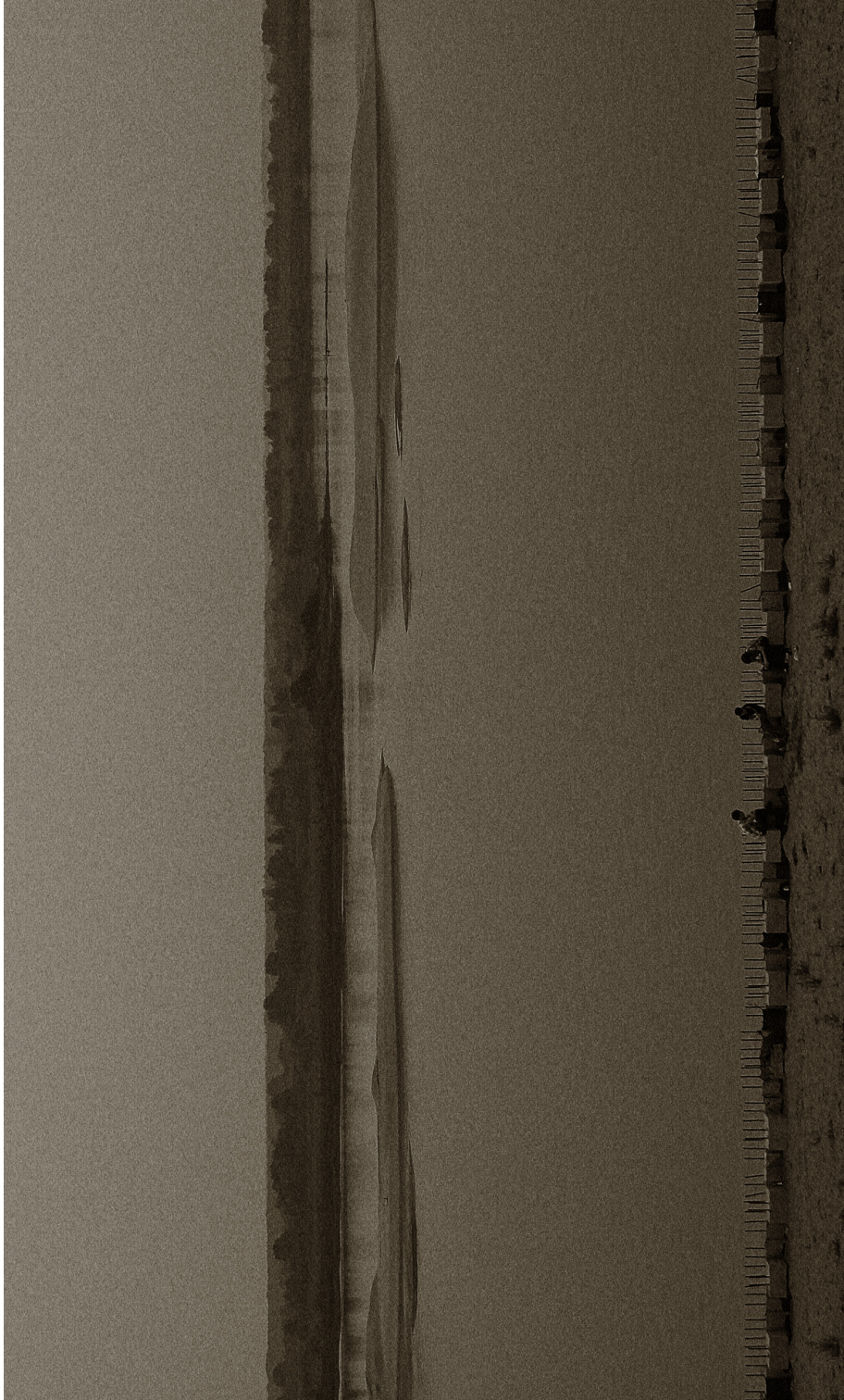
И вот она проходит сквозь окно
Стекла, пока не ледяного,
Но позже не пройдёт сквозь лёд,
Застенчивая, как ребёнок, но
Знающая наперёд
Зеркально-перевёрнутое слово:

Ау, ревёт, а у воды есть тоже авторское право,
Она не правит никогда,
Всё пишет начисто,
На то она вода
И лава.

И вот она отходит, душная река,
Внезапная, как Бог с тобою,
Глядят ошеломлённые войска —
Чермная волга расступается под стопою.

[*****]

Так говорили летом о дожде,
Так вожделели виноград его,
Так в жажде проводили языком,
Что снег теперь в заношенной одежде
Стал пастырем, а также пастухом
И стадом стал. И так стоит столбом,
Лежит пластом пространства городского
И вертится у всех на языке,
Хоть он скорее слог, чем слово.
Стоят автобусы и дымка вдалеке.



[*****]

Новый мост, говорят, только для грузовых машин —
Чуть подсвеченная фарами белая тишина,
А увидеть это — и будет один в один,
Та холодная внутренняя страна
Меж ладонных ладных ледяных долин.
Леденец слюны сглотни — это только речь твоя тяжела,
А совсем не то, что лежит вдали.

Образ жизни ужасен, но он же к тебе привык,
Он к тебе приникает, как родина и язык,
Как глаза закрытые, и как твои глаза
Льнут к болезненной белизне.
Это всё с тобой происходит, это всё говорит с тобой,
Это как во сне
Говорит с тобой,
Неоконченный тетрис, пластиковый геймбой,
Недостроенный метромост между городом и судьбой.

[*****]

Песня о русской зиме на иврите
Из приёмника «Вэф».
О чём говорите
При смене вех,
Повороте рек?
Плоть, ведущая своей костью,
Заводящая свои глаза,
Обманывается каждой плоскостью,
Простодушно принимая её за
Пристанище до за-
Втрашнего утра, вчерашнего насовсем —
Страннoприимный дом для синяков и вен.
Неинтересная музыка, восемьдесят девятый год,
Всё повторится через одну эпоху.
Всё плохо или наоборот —
Всё ещё будет плохо?
Школа в рабочем районе, форма, внезапно ставшая коротка,
До подоконника поднимается холодная белая лава,
Все ещё живы, пока-
Пока,
«Голос Израиля», руки Исава.

[*****]

Холод так сух, что горло
Берёт за горло,
А ведь подумать, он тоже влага,
То же море,
Марево и туман.
Это сырые пелёнки года
Качаются по дворам.
Белыми пятнами негатива
Не проявлены плёнки,
Студия,
Наплывает камера, девять лет.
Если буду я,
То и другие живы?
На одну ладонь ложится размытый свет,
А другая ладонь прикоснётся к глазу,
Снимет его нездешнюю, но тоже текучую, темноту.
Живы все, но не сразу,
А если сразу, то вряд ли тут.

[*****]

Самка голоса в воздухе декабря
Засыпает голая как была.
Здесь три четверти суток
Тёмное время суток.
Чёрный свет струится в отсветах фонаря.
За щитком фанерным
Не скроешь летучих спин.
В этом воздухе, северном и манерном,
Как далёкие звери, мы три четверти суток спим.

[*****]

Фигура умолчания с веслом
На фоне парка точно из хай-тека.
Был дом на слом,
А вот стоит полвека,
И в воздухе безлюдном и былом
Его прозрачных звуков фонотека
Вдруг сложится в натруженный псалом.

Как тяжело, когда любое слово
Уже не сказано ни завтра, ни вчера.
Так тает олово, и жаркая пчела
Уже не жалит в горло бестолково,
А рвётся на изнанку из жерла.

Так жизнь прошла. Так я её прошила,
Её иголка. Нет, её машина.
Что ж, мини-
Зингер с приводом ручным
Старается, но как ему паршиво
Всё удаётся. День стоит над ним.

[*****]

Ребенок не верит, что снег — вода.
Город вязнет в своём меху.
Время без радости, но да-
Же оно, бывает, блеснёт, как я не могу.
Как я ни моргну, всё смеженье, снеженье,
Падает и искрит.
Где-то сидят сидельцы, за них не встаёт народ.
Всё, что вдыхается, то иприт,
Выдыхается — кислород.
Жизнь страны надломилась, и правый, и левый край
Нависают складками на лице.
Жизнь твоя всё равно дороже, ведь сколько ни умирай,
Всё равно ты умрёшь в конце.
Но бумага с бумагой сложится, как кисет
Фронтовой треугольник, расшитые провода.
Рыба бьётся об лёд, но идёт на свет
И не верит, что свет — вода.

[*****]

Где ты будешь звучать,
Ствол земли?
На холодной почте,
В пароватом воздухе посреди зимы,
Где цветёт
Алоэ на сотый год.
Шелестят плакаты
С далёких стен через стену памяти
И печать
Рассыпается сургучом.
Пахнет выксой и сергачём,
Близкими городами и деревнями,
Склизкими марками, бечевой,
Всем, что равняли и разровняли,
Что роняли и уронили.
А потом останется ничего,
Трещина на пенале,
Царапина на виниле.

[*****]

Так гудят переростки в вечерней школе,
Пролетарский рай, густое синее время.
И действительно, казалось бы, нам доколе
Вспоминать на одном языке с этими или теми?
Треугольное молоко, крышечки и медали,
Лучше жить в тесноте, коленями к подбородку.
Те, которые били сверху свою чечётку,
Тоже местами были и временами стали.

[*****]

Кириллу Рафаиловичу Кобрину

Историк читает новейшее время,
Дрожащие стёкла в твердеющей раме.
Ты выйдешь на улицу. Выдохнешь. Время
Останется. Ты не останешься. А под ногами
Октябрь, девяносто четвёртый и пятый.
Мычит МММ, дребезжит M&M's;
Уже не отечества дым сладковатый
И мокрые листья срываются с мест.

[*****]

Считывать одёжные коды с обеих рук,
Молодёжная кода, вневозрастной испуг.
В Интернете пишут, скоро взойдёт вторая луна,
Но не тут.
Скоро второе солнце со дна зрачка
Скажет первому:
— Ты — мой день.
Улицы вьются, как основа вокруг утка,
То есть параллель накладывается на параллель.
То есть пароль введён:
Три слепошарых точки, три глухонемых тире,
Три слепошарых точки скоро второе сердце первому простучит.
Это легче выучить, чем стереть,
Выдать — чем получить.

[*****]

Такое странное чувство,
Что время прошло,
Но тебя не коснулось,
Или нет, коснулось,
Но не как рука
Или крыло,
А как удачное острое слово
Сидит и бьётся наподобие крючка,
И удочки побросали
И с мест повскакали
Прочие рыболовы.

[*****]

Эта женщина будет всегда хороша собой,
Даже там, на изнанке, где не будет уже собой,
Где застынет профиль, и над губой
Терпеливая мушка будет кружить и ждать.

Но покуда в курортном мареве
Скатывается последний мёд
Турецкого полумесяца над повинными головами,
Время каждый волос её сечёт
Надвое над висками.

Там гора и замок,
И гладь воды
На мушином крыле цикады
Скатывается каплями полуденного сухостоя,
А в стране её в это время неправедные суды
И другое время сворачивается петлёю.

Но и это исчезнет, к слову, и нега её, и гнев,
Под скользящими ворохом именами,
И она вдыхает — едва задев —
Воздух над волосами.

[632305222316434]

Дожили. История поворачивает колесо.
Это я дожила, на моём веку.
Но неясно мне: то ли со
Мной мелькает наскальная живопись по виску,
То ли вижу её в экран.
Зритель я или свидетель?
Или из всех мембран
Лишь тончайшая плёнка, глазное дно,
Как это заведено?
Время ставит вешки на площадях,
Метит световыми табло глаза.
Век назад выезжали на лошадях,
Век вперёд поворачивали назад.
Человек в потоке времени, как песок,
Как ракушка, поднятая со дна.
Золотые крупинки на нас несёт,
И какая из них страна?

[*****]

Памяти Натальи Горбаневской и Григория Дашевского

Существо суставами и костями
Быть не хочет в истории, но его не спросят.
Голос виснет в воздухе, как в костёле
Или хостеле, не заполненном прихожанами и гостями.
Мы считаем убытки зимы, убитки
И недобитки времени остаются рядом.
Г и Д уходят по алфавиту
В слух. Их провожают взглядом.

[*****]

Где канцер поражён страной,
А не наоборот,
Улитка станет наливной
И втянет полый рог.
На белом небе — белый снег,
На красном — красный смех,
А ты отряхиваешь с ног
Прилипший веский след.
О, спрячь меня, чтоб не нашли,
Стань белой скорлупой,
Когда земля всея Земли
Разверзнется собой.

[*****]

Моя земля
Сойдя с ума
Несется под откос.
Я наблюдатель ей
Но я
Себя ей не принес.
А что нести?
В одной горсти
Полсотни слов и фраз.
В другой горсти вся та земля
Что я себе припас.
Где будем года через три
И даже через два?
Сама земля моя смотри
Глазами изо рва.

[*****]

Новые православные отмечают старый
Новый год,
Как, впрочем, и до обращенья.
Земля не прекращает обращенья,
И снова ничего произойдёт.
Ну нет, уже произошло чего,
Уже как минимум четыре года
Земля бежит не по своей оси,
И если это не твоя свобода,
Но не твоё и это торжество.
Спаси
Не то, что бьёт меня на Спасской,
А то, что изнутри меня пробьёт.
Спроси холодный ветер усть-январский
Меня, не подскажу ли, как пройти,
Я подскажу, что время или йод.

[*****]

Потому что родина в белом свете,
В сумраке дня
Проплывает, висит, как сети,
И сквозняк
Не проходит в её ячейки,
Мы ничейные, как ищейки
Шарятся в ебенях.

Так в шашлычном дыме ещё домайский
Парк проплывает, как год
Или год назад.
До лица дотронуться, как до маски,
И сказать:

Посмотри же, Господи, на пропойцу,
На подонка, на самый оскрёбок дна,
Ничего не бойся, Господи, или бойся,
Но не меня.

[*****]

Арбидол, говорят, от всего поможет,
Забинтует глаза, зарубцует язвы,
Жизнь поболит-поболит, но разве,
Как великий шёлковый путь,
Не пройдёт под кожей?
Мы ходили налево,
Огибали угол, попадали на остановку,
А ветер следом
Гнал бумажную шелуху, яркую, как обновка.
Тонконогие девочки проносили пакеты «Манго»,
Пакеты «Зара»,
И вся жизнь, терпеливая, как бумага,
Оборачивалась и застывала.

[*****]

Человек качается на руках,
Он ещё не видел весну и лето.
Это твой человек, это его страх,
Его новое лёгкое тело.
Никогда уже не будет столько воды,
Но будет, наверное, много снега.
Линию по ладони веди-веди
До третьего века.
От окна к постели плывёт перевёрнутый свет,
Но нам ли знать, так ли он перевёрнут,
Или это просто осколки комет
Толкутся в зрачке, как зёрна?

[*****]

И доселе сияют лампы на проводах,
Но никто не выдохнет правду так,
Как само дыхание сквозь овал кольца,
Собственно, до конца;
Как само дыхание на трамвайных или каких других
Стёклах оседает холодом и теплом.
Помнишь, как мы не хотели видеть твоих и моих друзей,
Голос прятали под воротник,
В подворотнях били друг другу о грудь челом?
Мы двенадцать лет, подумать только, двенадцать лет,
В магазинах бьются тележки борта в борта,
Это наш с тобой бесконечный трип,
Наше плаванье и вода.
И когда мы выходим на улицу в кои-то
Веки, а уже темно, и в домах зажигается верхний свет,
Я смотрю, как медленно тает твоё пальто —
Третье за скоро будет тринадцать лет.

[*****]

Неправда, в горле кости нет,
Ни позвонка нет, ни мембраны,
Которая бы задержала снедь,
Которая бы задержала смерть,
А мы и рады.

Глоток и вдох мне равно душу травят,
Как плоть любовь язвит,
Как взгляд глаза буравит.
Печальный воздух детских фотографий,
Лети на свет, как прерафаэлит.

[*****]

А он такой на голубом глазу,
Как зрение, как плёнка слюдяная,
Как бы Даная,
Голая внизу.
А сверху тоже полная луна,
И полная земля её встречает,
Сперва вечерняя, потом ночная,
Потом совсем без дна.
А он такой заутренний не виден:
«Пойдём-ка, выйдем» — бьётся из груди,
А мы ничем не выйдем. Погляди,
Свет звездяной и свет фонарный
Мешаются, неотличимы,
Деревья сбросили личины
И покрываются листвой —
На то имеются причины
Над головой.

[*****]

И темнота, плывущая вдоль края
Ещё земли, уже другая,
И дождь другой, и даже дрожь другая,
Ещё дороже, но уже не дорогая.
На самом горизонте догорая
Летит Земля в пространство от земли,
Ещё чуть-чуть, и кажется пора и
Тебе и мне ложиться, как легли.
Легки, легки, но сонный воздух легче,
И подбородок, ищущий плеча,
Ещё не колет, но уже калечит
И прожигает на манер луча.

[*****]

Опускаю веки и вижу — сады, сады —
И услышу — трава, трава.
Я не выйду из дома, и только ты
Знаешь, как я права.
Межсезонный ноябрь провалился меж,
Его тусклый месяц стёрт до самого декабря.
Из твоих студентов — двоечников и невежд —
Тоже выйдут серые пятна позвоночника и ребра.
Прижимать колено к колену в осаждённой воздухом пустоте,
Скатываться в комок на свитере к наготе,
Опускаю веки — в одном углу логотип,
Поднимаю — а он везде.
Белый воздух завьётся кольцами, но потом,
Если верить, что улица — тоже дом —
Новая мебель, стена светового дня,
Занавеска вечера сложена, как сложное на простом.
Если выйдешь, то не забудь меня,
Позвони мне с улицы, из метро,
Там не ловит, но если там уронить перо,
Здесь оно упадёт листом.

[*****]

Спи, мой ангел. А там, во сне,
Ты умрёшь, как висельник на сосне,
Или как там правильно — на осине?
Вьётся ветер вокруг и вне.
У тебя золотая плоть,
Нет, невидимая, сырая,
Точно воздух внутри сарая
На замок закрывает грудь.
Ты качнёшься, как ящерица на ветке,
Как небесный сон, где земные редки.
Вспоминай, как молчали, потом молчали
И курили на лестничной клетке.
У тебя золотая цепь,
А вокруг — мятежная конура.
Темнота будет темнеть
С вечера до утра.
Спи, настоящий ангел. Там, говорю, во сне
Рассыпают зёрна, а нам не пожать плода.
Корень учения горек, хрен ли его жевать?
У тебя червоточина на десне,
Под тобой супружеская кровать,
Над тобой атмосферный фронт,
Непред-
Взятые города.